

Дмитрий Попов, Илья Мильштейн

ЛЕДИ Ю

Москва
2013

УДК 323(477)
ББК 66.2(4Укр),8
П58

Редактор Маргарита Савина

Попов Д.

П58 Леди Ю / Дмитрий Попов, Илья Мильштейн. — М.: Альпина нон-фикшн, 2013. — 342 с.

ISBN 978-5-91671-241-4

Миф о Тимошенко, в котором сплелись правда и ложь, клевета врагов и восторженные фантазии сторонников, давно заслонил реального человека. Этот миф вобрал в себя все, чем жила постсоветская эпоха: порыв к свободе и опьянение глянцем, эротические грезы и запах денег, упоение властью и мечты о социальной справедливости. Кто же она на самом деле, эта женщина? Чем она заслужила восхищение отцов-основателей «Газпрома» и солидарную ненависть трех украинских президентов? Как сложится ее политическая жизнь, если она доживет до освобождения? Книга журналистов Дмитрия Попова и Ильи Мильштейна — это попытка непредвзято проанализировать путь одного из самых ярких политиков нашего времени.

УДК 323(477)
ББК 66.2(4Укр),8

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

ISBN 978-5-91671-241-4

© Дмитрий Попов, 2013
© Илья Мильштейн, 2013
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	Три тюрьмы Юлии Тимошенко	5
Глава 2	Любимый город	19
Глава 3	Дом таксиста	31
Глава 4	Тайна первого миллиона	47
Глава 5	Как закалялась сталь	61
Глава 6	«Крестный отец»	73
Глава 7	Мини-юбка для динозавра.....	85
Глава 8	Стать неприкосновенной.....	97
Глава 9	«Газовая принцесса»	109
Глава 10	«При Кучме твой завод заработает!»	125
Глава 11	«Кто любит меня – за мной!».....	141
Глава 12	Ющенко.....	157
Глава 13	Двое в лодке, не считая Кучмы.....	169
Глава 14	Дело Гонгадзе	183
Глава 15	Полководец без армии.....	199
Глава 16	«Бьюти» спасет мир.....	213

Глава 17	«На всех у них не хватит яда!».....	231
Глава 18	Железный ангел Майдана.....	249
Глава 19	«Меня остановили на взлете!».....	275
Глава 20	Русский газ.....	295
Глава 21	«Должна сидеть за решеткой!».....	311
Глава 22	Зэк и тюремщик.....	325

Глава 1

ТРИ ТЮРЬМЫ ЮЛИИ ТИМОШЕНКО

Дверь камеры № 242 Лукьяновского СИЗО распахнулась, и она шагнула внутрь.

Это была та же камера, в которой десять с половиной лет назад ей пришлось провести 42 дня. Черный юмор тюремщиков? Или с тех пор, как она отсидела тут полтора месяца, узилище обрело особый статус?

Оказывается, и в одну и ту же камеру нельзя войти дважды. Все течет, все меняется: лица конвойных, интерьер, время и место.

Она ненавидела это место.

Когда в 2000 году в Лукьяновку заперли руководителя ее аппарата Николая Сивульского, она велела шоферу гнать к тюрьме, притормозила у следственного изолятора, набрала кирпичей и, подобно булгаковской Маргарите, стала бить стекла в проклятом доме, вселяя ужас в простые души прокурорских работников.

Потом посадили мужа. Александр провел в СИЗО год, и она регулярно носила ему передачи, пока в феврале 2001-го не настал и ее черед.

Невысокая женщина в туфлях на каблуках и блузке, еще утром ослепительно белой, а теперь промокшей от пота, опустилась на койку. В камере на двоих она была

одна. Знаменитую косу заставили распустить – шпильки в СИЗО запрещены внутренним распорядком. Сумку с вещами, которую она предусмотрительно брала на каждое заседание суда, пришлось отдать адвокату. Он передаст ее сегодня вечером или в крайнем случае завтра.

Десять с половиной лет назад Юлия Тимошенко тоже готовилась к аресту. И в сумке, с которой не расставалась, был примерно тот же набор, что и теперь: мыло, полотенце, смена белья, спортивный костюм, кроссовки, носки, предметы женской гигиены, пакетики с супом, пластмассовая посуда, зубная паста, крем... Прибавилось разве что лекарств. Кроме того, зимой 2001-го нужны были теплые вещи, а в жарком августе 2011-го требовалось что-то легкое.

Десять лет назад тюремщики применили к Тимошенко старый трюк из арсенала спецслужб. Дверь захлопнулась, и в камере погасла лампа. «Хочется сразу бить в дверь, кричать, чтобы включили свет», – признавалась она после освобождения. Темнота ломает новичков, люди начинают сходить с ума и уже на первом допросе готовы что угодно рассказать о себе и о других. Она кричать не стала. Молча поставила сумку на пол и уселась сверху, а позже путалась в воспоминаниях: говорила, что пытка темнотой длилась то ли несколько часов, то ли только тридцать минут. Должно быть, сама не знала: темнота отсекает от реальности.

Теперь никаких фокусов с освещением не устраивали. Правда, легче от этого не стало.

Это было ее третье по счету заключение, и каждый раз она испытывала шок. Минуту назад ты свободна, богата, счастлива... и вдруг за спиной с лязгом захлопывается дверь, и ты уже не «газовая принцесса», не депутат, не премьер-министр, а простой постсоветский заключенный. Жертва режима, обстоятельств, собственного безмерного

честолюбия, безудержного властолюбия, отчаянной смелости, патологической жадности – нужное подчеркнуть.

«Становится страшно мгновенно. Как только предъявляют постановление об аресте, когда сажают в машину, когда вокруг много больших мужчин из ОМОНа – с ледяными глазами... Когда начинают брать отпечатки пальцев и обмазывают пальцы краской...» – это тоже из воспоминаний десятилетней давности.

В 2011 году «больших мужчин из ОМОНа» понадобилось несколько сотен.

Когда после часового раздумья судья Киреев зачитал решение: «Ввиду системных нарушений, препятствования в установлении истины, нарушения порядка в ходе рассмотрения дела суд постановил сменить меру пресечения на взятие под стражу», – ее сторонники, составлявшие большинство зрителей на процессе, вскочили с мест и начали скандировать: «Позор!» – в зал ворвалось три десятка милиционеров. Тимошенко попросила не надевать ей наручники и, повернувшись к публике, промолвила: «Счастливенько, дорогие мои!» И вышла в окружении «больших мужчин», а в суде началась драка. Депутаты пытались прорваться в комнату конвойных, подходы к которой перекрыли сотрудники спецотряда «Беркут». Рвались народные избранники и на улицу, к автозаку, но и лестница была перекрыта.

Юлию Тимошенко вывели во двор.

Еще раньше, перекрывая путь митингующим возле здания суда, замкнули ворота, ведущие на Крещатик. Когда Тимошенко посадили в автозак, около 300 сотрудников спецотряда окружили машину. Автозак тронулся, выехал из арки и стал протискиваться сквозь толпу. К тому времени защитники Тимошенко разобрали металлические ограждения вокруг Печерского райсуда и перетащили

их на проезжую часть. Когда машина в тройном кольце «беркутовцев» медленно двинулась по Крещатику, началась форменная потасовка. Самые отчаянные пытались даже лечь под колеса, но их оттащили милиционеры.

Из зарешеченного окна, прежде чем автозак покинул центр города, Юлия Тимошенко могла бросить прощальный взгляд на Майдан.

Три тюрьмы — как три эпохи в жизни.

Арестовывали ее всегда по уголовным статьям. Но каждый раз истинной причиной была политика.

В марте 1995 года при посадке на рейс «Запорожье — Москва» таможенники нашли у нее незадекларированную валюту, причем так много, что хватило бы для крупной взятки, а еще больше было карбованцев. Составили протокол. Через несколько дней Юлию Владимировну арестовали.

Однако у запорожской Фемиды особых претензий к Тимошенко не было. Вопросы у высокого киевского начальства имелись к ее покровителю Петру Лазаренко, «крестному отцу» Днепропетровской области. Лазаренко готовился к карьерному броску в Киев. Его политические фантазии не знали границ. Однако не все в Киеве были этому рады. Молодая дама, сдававшая багаж, стала жертвой суровых мужских игр. Впрочем, Лазаренко довольно быстро вытащил ее из СИЗО, дело из запорожской прокуратуры перевели в днепропетровскую, где о нем благополучно забыли.

Но не так просто забыть о тюрьме. Тошнотворная картинка на долгие годы врезалась ей в память: грязная камера и полуголая узница по щиколотку в воде. Поэтому, когда через три месяца в московском аэропорту Внуково ее остановила российская таможня, у Тимошенко чуть не сдали нервы. Из пакета с провизией («булочка хлеба, курица жареная, пять малосольных огурцов, — перечис-

лял под протокол ее муж, — сыр порезанный, колбаса резаная, шейка порезанная, две бутылки минеральной воды, бутылка сока, два йогурта, две баночки рыбки, две пачки масла») таможенники извлекли аккуратные пачки купюр. Насчитали \$100 000.

Спустя несколько часов чартерный ЯК-40 авиакомпании «Днепрavia» поднялся в воздух, а на земле осталось лаконичное объяснение улетавшей VIP-пассажирки: «Я, Тимошенко Юлия Владимировна, не знаю, что это за деньги, через таможенную их не проносила и не имею к ним никакого отношения».

Чтобы не вернуться за решетку, она была готова заплатить любые деньги. Однако год от года ставки росли.

Уголовное дело, увенчавшееся арестом Юлии Тимошенко в феврале 2001 года, велось по двум статьям — «контрабанда» и «уклонение от уплаты налогов». По контрабанде Генпрокуратура насчитала более \$1 млрд — астрономическая сумма для нищей Украины середины 1990-х.

При этом Лазаренко никакого отношения к делу больше не имел. Теперь уже сама «газовая принцесса», а не сгинувший в Америке ее «крестный отец», стала смертельным врагом президента. Уволенная с поста вице-премьера, она яростно билась за «Украину без Кучмы». Раскручивала скандал, связанный с убийством журналиста Гонгадзе. Создавала Форум национального спасения — прообраз «оранжевого» Майдана. Судьба ее обретала международный размах. Рассказывают, что окончательное решение об аресте Тимошенко Кучма принял за 48 часов до ее задержания, во время встречи с Путиным в Днепропетровске. Но она, все так же страшась тюрьмы, уже точно знала, что путь из СИЗО во власть — самый короткий. И была убеждена в том, что отсюда ее будет вытаскивать покровитель покруче Лазаренко — сам народ украинский. И не ошиблась.

Отсидев 42 дня в Лукьяновском СИЗО, осознала она, впрочем, и другое: арестовать ее могут в любой момент. До самой «оранжевой революции», до изгнания Кучмы из власти Юлия Тимошенко хранила свою «тюремную» сумку. Депутатская неприкосновенность была единственной, причем довольно шаткой защитой. Лишь осенью 2005 года впервые со времен Запорожья леди Ю наконец вздохнула свободно. Ей показалось, что теперь она навсегда избавилась от своего страха.

В те дни Юлия Тимошенко собрала большую пресс-конференцию. «Уважаемые друзья, – произнесла она, и глаза ее сияли от счастья, – вчера мы получили на руки два решения Верховного суда... Это было судебное заседание, которое проходило при участии 46 судей... Это в полном составе Судебная палата по уголовным делам и Военная судебная коллегия... Это завершение всех без исключения уголовных дел, которые в течение последних 10 лет практически не давали жить ни нашей семье, ни нашей команде... Совершенно очевидно, что ни одно обвинение не имело оснований. Совершенно очевидно, что это были наглые политические репрессии...»

Изгнанная Виктором Ющенко с поста премьер-министра, Юлия Тимошенко готовилась к реваншу. Именно в бывшем соратнике видела она главного своего врага. Но ей и в страшном сне не могло привидеться, что беспощадная их война через пять лет обернется катастрофой и для страны, и для нее лично. Что Янукович, безжалостно осмеянный и, казалось, навсегда проклятый Майданом, займет кресло президента. А добравшись до власти, немедленно отдаст приказ вынуть из архива запылившиеся тома ее уголовных дел и побыстрее сочинить новые.

В 2011 году ставки в игре, где на кону была свобода, вновь подскочили.

Янукович мечтал посадить Тимошенко надолго, как Путин посадил Ходорковского. В новом процессе речь шла о 100 млрд гривен, а обвинили ее чуть ли не в государственной измене. «Предательским» был контракт о поставках российского газа на Украину, подписанный ею на посту премьер-министра. В отличие от Кучмы, который не сразу сумел разглядеть, насколько опасна для него Тимошенко, Янукович был твердо уверен, что она – враг № 1.

К слову, их теперь довольно часто сравнивают – Юлию Тимошенко и Михаила Ходорковского. И не без оснований. В судьбах российского нефтяного магната и украинской «газовой принцессы» немало общего. Сведение личных счетов как повод для возбуждения дел. Судебный произвол как принцип взаимоотношений власти с оппозицией. Сериал как жанр этого затянувшегося кино. Совпадает даже количество серий: пока их просматривается три, но для одной человеческой жизни это очень много.

В первый раз Ходорковского осудили за уклонение от налогов. В ходе второго процесса выяснилось, что он «украл всю нефть», и не исключено, что в будущем на него попытаются повесить нечто более страшное. Не зря же Путин говорил про «доказанные убийства» и «руки в крови».

На Юлию Тимошенко тоже вешают все новые и новые обвинения: налоговые преступления, хищение бюджетных средств, служебный подлог. А недавно прокуроры заговорили о ее причастности к убийству депутата в 1996 году.

Имеются и различия. Ибо президент Путин, определяя судьбу ЮКОСа, его владельцев и топ-менеджеров, более всего был озабочен отъемом успешной компании. Политиком в прямом смысле слова Ходорковский не был или не успел им стать. Напротив, Юлия Тимошенко дважды возглавляла правительство и на последних выборах боролась за президентское кресло, лишь во втором туре проиграв Януковичу,

к тому же она до сих пор остается одним из самых популярных политиков на Украине.

Главное же отличие сводится к психологии и поведенческой стратегии.

Ходорковский – человек сдержанный, прагматичный, закрытый. О том, какие чувства он испытывал, пытаюсь отстаивать в судах свою правоту, мы можем лишь догадываться. Как и о его личном, глубоко выстраданном отношении к Путину. Тимошенко же своих чувств не скрывает. Ни ненависти, ни отчаянья при мысли о том, что она проигрывает самому ничтожному, по ее мнению, из всех украинских вождей – Виктору Януковичу.

Некоторые из тех, кто искренне желал Ходорковскому скорого освобождения, в ходе последнего его процесса спрашивали в недоумении, почему он даже после стольких лет в колонии продолжает играть по навязанным ему правилам, оставаясь внутри системы, которую сам считает преступной. Почему не воспользуется камерой обвиняемого как трибуной, чтобы дать бой режиму Путина, частью которого он сам когда-то был. Почему предпочитает иронизировать, когда надо обличать и проклинать? Иногда его даже сравнивают с обвиняемыми времен показательных процессов 1930-х годов, которые сохраняли верность сталинской системе вплоть до расстрела.

В этом смысле процесс Юлии Тимошенко достоин учебников. Если не по юриспруденции, то уж по политтехнологиям точно. Свой суд Тимошенко превратила в подмошки. Шесть недель подряд до самого дня ареста она издевалась, клеймила, смеялась, безжалостно разила, вонзала шпильки и била наотмашь. Досталось всем – и судье, и прокурорам, и украинской судебной системе в целом, но главной мишенью был, разумеется, президент Янукович. Тимошенко успевала не только сражаться на всех фронтах, но

и, не стесняясь в эпитетах, комментировать в Twitter каждый поворот процесса. Число зрителей ее многосерийного судебного шоу, судя по количеству читателей дневника, росло с каждым днем.

Пятого августа – в день своего ареста – она была в ударе. Главной жертвой язвительной и беспощадной подсудимой стал приглашенный в суд премьер-министр Николай Азаров, въехавший в кабинет Тимошенко сразу после победы Януковича.

«Подписанные Тимошенко контракты на поставки российского газа доведут страну до банкротства, – начал он. – Соглашения были предательством по отношению к стране и ее гражданам. Могу предположить, что целью Тимошенко была победа на выборах».

Молча, с улыбкой выслушав обвинение, Тимошенко обернулась к судье: «Я ничего не поняла из того, что сказал Азаров. Я не понимаю украинского премьера, который разговаривает на русском языке. Я не понимаю неукраинский язык». Это был удар ниже пояса. Слабое знание Азаровым украинского языка давно стало темой бесчисленных анекдотов. Развивая наступление, Тимошенко потребовала пригласить на процесс переводчика. Прокурор ответил протестом. А уставший от бесконечных выпадов судья Киреев сорвался на крик. Он вновь потребовал уважения к суду и снова получил в ответ лишь презрительно-испепеляющий взгляд.

Тимошенко развернулась к свидетелю. Теперь она заинтересовалась дипломом Азарова. Премьер-министр побавровел: «Я геофизик, доктор наук, член Академии наук. Но уже 20 лет занимаюсь экономикой. А вы обвалили экономику так, как этого не было ни в одной стране мира! Для страны главное, чтобы был газ и не было проблем. Чтобы это произошло, главное условие – не допустить Тимошенко к посту премьера».

Тимошенко добилась того, чего хотела: Азаров перешел на личности. Но на этом поле у члена Академии наук шансов не было. «Вы лучше расскажите, как вы каждый день перечисляете бюджетные деньги своему сыну. Вы – старый, проверенный коррупционер! Вы чудом избежали ответственности за свои действия в 2005 году, потому что вас Ющенко простил. Расскажите, как происходил процесс вхождения компании “РосУкрЭнерго” на газовый рынок Украины. И желательно отвечать на украинском».

Суд удалился на совещание, а на страничке Тимошенко в Twitter появился очередной комментарий: «Судя по тому, что говорит Азаров, ему нужен не допрос, а МРТ, потом – массаж, чай с липой и полный покой ☺. Уже в самом словосочетании “допрашивают Азарова” есть что-то положительное и обнадеживающее. Не последний раз, думаю ☺. Еще немного допроса, и Киреев попросит у Азарова благословения и искупления... Хорошо, что в “рясе” – Киреев, а не Азаров».

Едва автозак скрылся за воротами Лукьяновского СИЗО, в телеэфире появилась сама Юлия Тимошенко. «Сегодня я еще на свободе, – обращалась она к стране и миру в записи, сделанной перед арестом, – но завтра уже буду в тюрьме. Зная, на что я иду, я также знаю, что вернусь к вам еще более сильной. Кроме продажных судов Януковича есть и другие, высшие суды. Существует Европейский суд, где будет доказана моя юридическая правота. Существует суд украинского народа, который докажет мою политическую правоту. А есть еще Божий суд, от которого делающих несправедливость не защитят ни власть, ни деньги».

Божий суд? Европейский суд? Народ?

В феврале 2001-го, в первый раз оказавшись в Лукьяновском СИЗО, Юлия Тимошенко символизировала счастливую, неведомую Украину без Кучмы и его осточертевшей

«днепропетровской мафии» – Украину обновленных элит, устремленных в европейскую цивилизацию. Жанна д'Арк в узилище олицетворяла эту ярость и эти мечты.

Увы, от той Украины остались только воспоминания, преимущественно горькие. Номенклатурная революция, начавшаяся на Майдане, обернулась многолетней склокой «оранжевых» вождей, бесславным уходом Ющенко и победой Януковича, выбросившего из политики почти всех, кто воспрепятствовал его приходу к власти в 2004 году. Тогда, во времена Кучмы, Тимошенко могла вывести на площадь сотни тысяч. Сегодня выходят сотни.

Запад? Здесь все не так безнадежно. Хотя, конечно, и не так однозначно, как раньше. Подобно миллионам украинцев европейские лидеры были очарованы «оранжевой революцией». И так же скоро разочаровались, когда революция обернулась новым застоем. Тупая жестокость Януковича по отношению к Тимошенко вызвала оторопь, но если в 2001 году они видели ясную альтернативу украинской власти, то сегодня – нет, не видели. Надеждой Юлии Тимошенко скорее был не абстрактный Запад, а ее политические друзья – лидеры Европейской народной партии, куда входит и ее «Батькивщина», – Николя Саркози, Дональд Туск, Ангела Меркель. В особенности Ангела Меркель. Здесь можно надеяться и на женскую солидарность.

Еще одним козырем был чемпионат Европы по футболу. Вся страна готовилась к приезду гостей, и для Януковича это была отличная возможность явить миру новую Украину. Юлия Тимошенко знала, что у нее есть шанс если не сорвать, то сильно подпортить президенту этот праздник.

И все-таки, рассчитывая на помощь европейцев, Тимошенко прекрасно понимала, что судьба ее решается на Украине. Знала она и другое: тюрьма – последний шанс вернуть себе доверие избирателей.

Украина устала от бесконечного, утратившего всякий политический смысл хоровода лидеров: Ющенко, Тимошенко, Янукович. Начиная с раскола вождей «оранжевого» Майдана, интрига политического процесса в стране сводилась лишь к одному: кто и кто из этой троицы объединятся, чтобы окончательно уничтожить третьего? Не было больше идеологических табу. Все комбинации были опробованы по нескольку раз, и ни одна не принесла желанной стабильности. Украина устала от политического абсурда на фоне экономической катастрофы и мирового кризиса.

Юлия Тимошенко лучше других понимала своего избирателя. Прекрасно помнила она и формулу своего триумфа в 2001 году. Стартовой площадкой для ее фантастического взлета в политике стали те 42 дня, что она провела в Лукьяновском СИЗО. И на вершины политического Олимпа ее поднял не только гнев избирателей, но и чувство сострадания к хрупкой, незащитной, измученной болезнями, но не сломленной узнице, которая, не зная страха, боролась за всеобщее счастье.

Поднявшись с койки, Юлия Тимошенко еще раз оглядывает камеру. Как и десять лет назад, надо будет попросить адвоката принести тряпку и швабру. Обязательно выспаться. И подготовиться к очередному судебному шоу. На подмостки она выйдет свежей, сильной и, как всегда, ослепительной. Так ей представляется. На самом деле она выглядит очень уставшей.

Когда-то Юлия Тимошенко примеряла на себя судьбы великих европейских женщин – таких как Маргарет Тэтчер. Похоже, однако, что ориентироваться следовало на Восток. Тимошенко не первая, кто из тюремной камеры возвращался в большую политику. Вспомнить хотя бы Аун Сан Су Чжи или Беназир Бхутто. Да, цена, которую

придется заплатить за возвращение, бесконечно высока. Она ненавидит тюрьму и панически боится неволи. Однако выбора, как уже часто случалось в ее карьере, просто нет.

Пятого августа 2011 года пятидесятилетняя Юлия Тимошенко свято верит, что все в ее жизни только начинается.

Глава 2

ЛЮБИМЫЙ ГОРОД

Своим именем родной город Юлии Тимошенко обязан не апостолу Петру и не великому российскому императору, а большевику Григорию Петровскому.

У него немало «заслуг» перед народом. Этот соратник Ленина был одним из создателей системы карательных органов советской власти. В начале 1930-х годов в должности председателя Центрального исполнительного комитета он безжалостно проводил коллективизацию Украины. Петровский – один из организаторов расправы над крестьянством, получившей в новейших украинских учебниках истории название «голодомор». В 1932–1933 годах организованный большевиками голод унес от 4 до 6 млн человеческих жизней. Цифра, сопоставимая с числом жертв холокоста.

Впрочем, Екатерина II, основавшая город и давшая ему имя Екатеринослав, «Любима» украинскими историками не больше Петровского.

В 1775 году войска по приказу царицы захватили и разрушили Запорожскую Сечь – автономное казачье государство под протекторатом Российской империи. «Отторженное возвратих», – торжественно заявила тогда императрица. А для «возвращенных» наступили тяжкие времена. Просвещенная собеседница Дидро и Вольтера ввела на вольных казачьих землях крепостное право

и, упразднив гетманство, ликвидировала последние остатки украинской независимости.

Екатерина видела себя продолжательницей дела Петра. Она желала подарить империи новую южную столицу. Как и возведенная на болотах Финского залива Северная столица, Екатеринослав был классической русской утопией. В 1786 году князь Григорий Потемкин сочинил документ под названием «Начертание города Екатеринослава». Перед его взором вставало «судилище наподобие древних базилик, лавки полукружием наподобие Пропилей или преддверия Афинского с биржею и театром посредине. Палаты государские во вкусе греческих и римских зданий... Фабрики суконная и шелковая». Предусматривалось, что главные улицы Екатеринослава будут иметь ширину 60–80 метров, а в центре города будет возвышаться храм, по размерам превосходящий собор Святого Петра в Риме.

Описывая энтузиазм строителей, историк позже писал: «Каждый не только представлял, но и уверен был, что Екатеринослав сделается сосредоточением и силы, и богатства, и народного просвещения всего края, будет второй Рим, новые Афины».

В короткую эпоху украинской независимости после развала Российской империи в память о Запорожской Сечи Екатеринослав был переименован в Сечеслав. Гордое имя, впрочем, было самообманом. Ни в начале XX века, ни в конце XIX века Екатеринослав не был по-настоящему украинским городом, а Запорожская Сечь для его обитателей оставалась историей. Причем историей чужой.

Екатеринослав был детищем индустриальной революции, охватившей империю после отмены крепостного права. В 1870-е годы в Донском бассейне разразился угольный бум. Через десять лет началась ширококомасштабная добыча железной руды в районе Кривого Рога. В 1890-е годы

Екатеринослав стал металлургическим центром империи, а весь юго-восток Украины — одним из самых бурно развивающихся промышленных регионов Европы.

Но по-настоящему «сосредоточением и силы, и богатства» родному городу Юлии Тимошенко предстояло стать на полвека позже, под другим именем и в другом государстве.

В 1922 году Украина была возвращена в объятия Москвы, в 1926-м Сечеслав становится Днепропетровском. А после войны начинается его истинный расцвет.

И дело даже не только в том, что здесь собраны предприятия советского военно-промышленного комплекса, тесно связанные между собой и подчиненные единому руководству. Таких городов в советской империи было немало, в том числе и на Украине: тот же Харьков. Однако именно Днепропетровск во второй половине XX века стал кузницей кадров для Политбюро ЦК КПСС. Выходцы из этих мест определяли лицо страны. Так называемая ленинская партия так называемой эпохи застоя 1960–1980-х — это прежде всего товарищи из Днепропетровска.

В народе их еще величали «днепропетровской мафией». Самые отчаянные на своих кухнях называли эту мафию также «брежневской» — в честь Леонида Ильича, генерального секретаря ЦК КПСС, родившегося в поселке Каменское в 35 км от Днепропетровска. В этом Каменском, переименованном вскоре в Днепродзержинск, в эпоху «большого террора» начнется политическая карьера Брежнева. Отсюда он будет переведен в Днепропетровск, где в 1938 году займет должность заведующего отделом агитации и пропаганды обкома партии. Здесь найдет сподвижников, которые будут сопровождать его до Кремля. А на склоне лет, увлекшись мемуарами, вспомнит молодость и начало пути.

Конечно, ни словом не упоминая ни о голодоморе, ни о терроре, золотые перья советской журналистики,

писавшие за Брежнева его книги, коротко и дельно рассказывают о предвоенной атмосфере в стране. О неизбежности скорой войны: это чувство тогда испытывали все — и народ, и начальство. О директиве, пришедшей из Кремля в 1940 году: срочно перевести ряд предприятий Днепропетровска на выпуск военной техники. О шифровке, полученной в те же дни из Москвы: немедленно учредить должность секретаря обкома по оборонной промышленности. О том, как на эту ключевую в городе и республике должность товарищи единогласно назначили будущего генсека.

Именно военная промышленность и особое отношение Брежнева к родному городу сделали Днепропетровск гигантом советской индустрии. Наглухо закрытым для иностранцев панельно-бетонным монстром с миллионным населением. Стартовой площадкой для головокружительных партийных, гэбэшных и хозяйственных карьер.

В 70-е годы прошлого века Днепропетровск «переселится» в Кремль. В Политбюро и Секретариате ЦК, на постах председателя Совета Министров и шефа КГБ, среди их многочисленных заместителей, в креслах партийного руководителя Украины и министра внутренних дел, на должностях второго и третьего ряда — всюду будут выходцы из этого славного города. А если вспомнить, какое место в мире занимал тогда СССР и лично тов. Брежнев, лидер одной из двух сверхдержав, способных многократно стереть в порошок всю планету, то роль города Днепропетровска станет понятной каждому.

Этот провинциальный город излучал власть в масштабах страны и мира.

Брежнев любил свой город. Как многие «дорогие руководители», он был сентиментален, и его всегда тянуло к малой родине. Днепропетровцы тоже любили вождя — той слегка извращенной и двусмысленной любовью, какой

жители нищей империи одаривают земляка, выбившегося в люди. Земляк про них тоже не забывал.

По всей стране граждане давились в очередях за колбасой. А в Днепропетровске колбаса иногда свободно лежала на прилавках и щедро вместе с иным разнообразным дефицитом распространялась в так называемых «заказах» среди тружеников оборонных предприятий. Рассказывают даже, что эту пресловутую колбасу, советский символ продовольственного благосостояния, днепропетровцы порой отправляли родственникам в Москву, хотя столица всегда снабжалась несравненно лучше провинции.

Однако в стране была напряженка не только с мясом. Не хватало предметов первой необходимости – обуви, одежды, бытовой техники, лекарств, туалетной бумаги. Любой мало-мальски нужный товар советским гражданам приходилось добывать, используя знакомства, переплачивая в два-три раза, унижаясь в магазинах перед продавцами.

По империи гулял анекдот. Вопрос: Сможет ли заяц добегать из города-героя Бреста до города-героя Москвы? Ответ: Не сможет. Он будет пойман и съеден в городе-герое Туле.

И все же в Днепропетровске было чуть-чуть побольше мяса и туалетной бумаги, чем в среднем по стране, поэтому город считался зажиточным. Цена этого относительного благополучия ни для кого не являлась секретом. Заботливая любовь генсека к своей малой родине объяснялась не только сентиментальностью. Город работал на ядерную войну.

В центре его глухо урчало главное ракетное производство страны. Завод «Южмаш» строился еще в бытность Брежнева первым секретарем Днепропетровского обкома. Основным видом его продукции стали баллистические и космические ракеты. На заводе были сконструированы и построены все ракеты серии SS, а также космические носители «Космос», «Интеркосмос», «Циклон-2», «Циклон-3»

и «Зенит». Особой гордостью был уникальный ракетный комплекс – SS-18, который мог оснащаться несколькими ядерными боеголовками.

В Днепропетровске впервые в мире было поставлено на поток производство искусственных спутников Земли.

На «Южмаш» работали проектные институты, вузы, сотни предприятий-совместителей. Как и везде в стране, мирное производство было лишь побочной деятельностью военных гигантов. Кроме ракет, «Южмаш» выпускал тракторы, троллейбусы, оснащение для пищевой промышленности. А также велосипеды и зонтики.

В распоряжении директора ракетного гиганта находились собственный авиапарк, собственная ГАИ и собственная прокуратура. Выше его были только ЦК, предсовмин, ну и, разумеется, «сам». В конфликтах между градообразующим «Южмашем» и местным, а также киевским партийным начальством завод всегда побеждал.

Генсек с высоких международных трибун неустанно боролся за мир во всем мире. А его любимый город работал на ядерную войну. Однако тут не было никакого противоречия. Во всяком случае, для тех, кто жил в СССР, – они уже ничему не удивлялись.

Ракетный промышленный гигант на берегу огромной реки, у первых днепровских порогов, Днепропетровск был по-своему очень хорош – с широкими центральными улицами, огромными площадями, имперским милитаристским размахом... Местные жители называли город «Днепром». А река, воспетая Гоголем, расстилалась внизу, как безразмерная книга, и каждый школьник в СССР наизусть знал, как «чуден Днепр при тихой погоде» и что «редкая птица долетит до середины Днепра».

Золотой век Днепропетровска в прошлом столетии длился без малого двадцать лет, до ноября 1982 года, когда

сердце верного ленинца остановилось. Началось другое время. Строгое, нечуткое, даже оскорбительное для памяти Леонида Ильича.

На брежневскую эпоху пришлось и становление леди Ю.

Ей было четыре года, когда он пришел к власти. Восемь лет исполнилось в том августе, когда войска Варшавского договора оккупировали Прагу. Девятнадцать, когда началась война в Афганистане, где погибли тысячи ее сверстников. А в 22 года студентка Юлия Тимошенко вместе со всем советским народом оплакивала смерть дорогого Леонида Ильича.

Оплакивала ли? Местный днепропетровский патриотизм, связанный с именем первого лица в государстве, был в моде, но едва ли кто-нибудь, кроме самых близких, горевал о кончине генерального секретаря. Скорее, в душах людей накапливалась тревога: что будет со страной? При чем вопрос этот звучал иначе, нежели в 1953 году, когда народ прощался со Сталиным. Великого вождя провожали рыдающие толпы, ибо Сталин был страшен и непостижим, как Бог из ветхой книги, отмененный советской властью. Леонид Ильич был свой — земной, не злой, вороватый, грешный. В последние годы, заметно впадая в маразм, генеральный секретарь вызывал смех по всей стране, не исключая и Днепропетровска. Смех порой бывал невеселым, ибо ощущение тупика, в который зашла страна под водительством Брежнева, стало слишком явным.

Нефтедоллары в буквальном смысле слова вылетали в трубу — на поддержку «освободительного движения» по всей планете. Экономика дышала на ладан. Пропагандистская война была проиграна с разгромным счетом: самой сладкой мечтой советского человека были западные вещи и западная техника, а западные радиоголоса давно уже стали единственным поставщиком информа-

ции не только о событиях в мире, но и о том, что происходит в стране. Заграничная командировка или турпоездка в Париж считались величайшей жизненной удачей. Об эмиграции подумывали не только евреи. Гонка ядерных вооружений добивала государственную казну.

После Брежнева страну возглавил Юрий Андропов. Будучи председателем КГБ, он накапливал информацию о коррупции в окружении жизнелюбивого генсека и скоро начал охоту на этих людей. Первыми пали самые близкие к Брежневу днепропетровцы. Уже через десять дней после избрания Андропов отправил на пенсию секретаря ЦК Кириленко, давнего приятеля Брежнева, бывшего первого секретаря Днепропетровского обкома. Затем сменил управляющего делами ЦК КПСС Павлова, в прошлом секретаря Днепродзержинского райкома. Был загнан в самоубийство министр внутренних дел Щелоков, бывший председатель Днепропетровского горисполкома. Смена элит при Андропове шла быстро, чему способствовали разнообразные уголовные дела с расстрельными приговорами – так называемые «рыбное дело», «бриллиантовое дело» в Ювелирторге, «сочинское дело». При этом главная вина уничтоженных и посаженных заключалась в том, что они не вписались в новые времена. Они погибли или сели потому, что умер Брежнев. У них не хватило времени научиться играть по новым правилам. Точнее, им не дали времени научиться. Смена элит шла на всех уровнях.

Пропагандисты на закрытых лекциях объясняли допущенной публике, что Андропов «наводит порядок», расправляется с «брежневской мафией», что воровство в особо крупных размерах – главная причина всеобщей бедности в СССР. Этими акциями КГБ нанес сокрушительный удар по «днепропетровскому клану». Те, кого новое начальство объявило коррупционерами, были изгнаны

если не из жизни, то уж из Кремля и политики совершенно точно.

Однако расстрелы и увольнения счастья не принесли. Было очевидно, что главная беда не в коррупции, а в каких-то иных, системных сбоях коммунистического режима.

Дело довершил Горбачев. При нем эпоха Брежнева была объявлена «застойной», а курс прежнего руководства — ведущим в пропасть.

После распада Союза и обретения Украиной независимости показалось даже, что Днепропетровск навсегда утратил свою исключительность. Но все было не так просто.

Во-первых, не утратил значения сам город, который по-прежнему оставался центром оборонной промышленности. Во-вторых, номенклатурная элита похожа на мифическую гидру, у которой взамен отрубленных быстро вырастают новые головы. Случай Днепропетровска был в этом смысле классическим.

Чем был «клан» в советское время? Системой формальных и неформальных связей, которые завязывались на службе и сохранялись всю жизнь. На уровне идеологии, для того чтобы оставаться на плаву, необходимы были верность партии, способность, не рассуждая, выполнять все ее приказы. На уровне профессиональном — умение, произнося к месту и не к месту однообразные, бессмысленные, но легкие для заучивания партийные лозунги, быть «дельным» работником. На уровне личном: постоянно демонстрировать верность вышестоящему товарищу. А тут есть незыблемые каноны и традиции вплоть до умения пить водку в узком кругу, находить слова для тостов, шутить к месту и смешно в понятиях своего круга, дружить семьями, вовремя подносить ценные подарки. И конечно, участвовать в совместных походах в баню. Именно в бреж-

невские времена закулисье власти переместилось в русские парилки.

Карьерная лестница — это подвижная вертикаль, и если на вершине ее стоит генеральный секретарь, то самый незначительный клерк в днепропетровском клане может рассчитывать в будущем на самые заманчивые посты. Вышестоящее начальство среднего звена допускает ошибки, получает выговоры, болеет, умирает. Лестница медленно ползет вверх, как эскалатор в метро, и ты движешься вместе с ней. «Надо только выучиться ждать», — как пелось в одной популярной советской песне.

Конечно, андроповские чистки, а в особенности горбачевская перестройка и внезапный развал Советского Союза порастрясли имперские кланы. Однако выстоять вместе все же было легче, чем поодиночке. На Украине, обретшей независимость, днепропетровцы довольно скоро оказались самой могущественной группой, делегирующей своих представителей во власть.

Директор «Южмаша» Леонид Кучма сначала стал премьер-министром, затем президентом. Губернатор Днепропетровской области Павел Лазаренко возглавил правительство. Близкий друг Кучмы еще по временам «Южмаша» Леонид Деркач встал у руля партии «Трудовая Украина». Человек из «третьего поколения» днепропетровцев — Виктор Пинчук — захватил львиную долю украинской промышленности: он производил трубы, перепродавал газ, обеспечивал поставки электроэнергии. Министр транспорта, а затем глава Кабинета министров Валерий Пустовойтенко перебрался в Киев с поста мэра Днепропетровска. Председателем Верховного суда Украины был назначен Виталий Бойко, в недавнем прошлом председатель районного суда Днепропетровска. На государственных должностях и в правлениях акционерных обществ этих людей

были десятки, их подпирали сотни — в аппарате, в парламенте, в бизнесе...

И в какой-то момент возникла иллюзия, будто вместе с днепропетровским кланом на Украину возвращается брежневская эпоха.

Это, разумеется, было не так. Чтобы взять власть, президенту Кучме требовалась поддержка директорского корпуса советской закалки и его родного клана. Однако, чтобы эту власть сохранить, президент должен был рано или поздно встать над кланом. Только так он мог превратиться в «отца всех крестных отцов», стать авторитетным арбитром в их суровых разборках. Борьба вокруг Кучмы, за Кучму и против Кучмы была весьма жесткой. Не поделив деньги, влияние на президента, лакомые куски приватизируемой госсобственности, днепропетровцы в конце концов передрались между собой: каждый тянул одеяло на себя, и украинские журналисты писали о «днепропетровском разломе». Но в начале пути они были вместе. Днепропетровцы. Земляки. Клан.

В начале 1990-х среди днепропетровцев появилось новое лицо. Единственная женщина — миниатюрная и хрупкая брюнетка Юлия Тимошенко, делающая карьеру в большом бизнесе со стремительностью баллистической ракеты, сработанной на «Южмаше».

